

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Свет. Он колол глаза, обжигал кожу, все время теребил, призывая не сдаваться, продолжать дышать. Свет обещал, что новая жизнь уже близка, подождать осталось всего ничего. Свет наполнял его тело энергией, вырывал из объятий сна.

В мае он обычно просыпался на рассвете, когда первые лучи солнца пробиваются между волокнами занавесок, в узкую щель между ними, а потом лежал и слушал, как весна постепенно вступает в свои права, как освобождает ручьи и реки из ледяного плена, срывая с гор надоевшее зимнее покрывало.

Уже совсем скоро свет отвоюет себе и ночное время, разбудит все то, что дремало под прошлогодней гнилой листвой, согреет почки на деревьях, вынудит их выпустить на свободу новые листочки, позволив лесу одеться в яркий зеленый наряд.

Примерно так же белые ночи действовали на всех людей, выгоняли их из нор, наполняли сердца страстью. Люди смеялись и любили, однако порой опускались до насилия. Иногда люди пропадали, возможно ослепленные

собственными эмоциями, — исчезали неизвестно куда. Но он не хотел верить, что они умирали.

Он курил только тогда, когда искал ее.

Закуривая каждую новую сигарету, он видел дочь на пассажирском сиденье. Она гримасничала и тарасилась на него поверх очков.

— *Я думала, ты бросил.*

— Так и есть, но это исключительный случай.

Казалось, в те светлые ночи, когда он совершал свои поездки, она всегда там сидела. Он видел, как она качает головой и обнажает заостренные клыки, которых так стыдилась. Он видел ее волосы, почти что белые, стоило им оказаться в лучах солнца, видел коричневые пятна веснушек над переносицей, которые в последние годы она начала прятать с помощью косметики, видел ее все замечавшие глаза, пусть бы она и смотрела совсем в другую сторону.

Внешне она мало походила на него — больше на Анетт, и слава богу, он ведь не отличался особой красотой. Но дочь выросла красавицей, и он так считал вовсе не потому, что был ее отцом. Прохожие всегда оглядывались вслед Лине, даже когда она была очень маленькой. Она относилась к детям, вызывающим улыбку даже у безнадежных пессимистов. Но сейчас никто на нее не смотрел. Никто не видел ее уже в течение трех лет, в любом случае, из тех, кто захотел бы сообщить: «Да, это та самая девушка».

Сигареты закончились еще до Йерна. Лина не сидела больше на соседнем сиденье. В машине было пусто и тихо, и он почти забыл, где находится. Смотрел вперед, но ничто вокруг его не интересовало. По государственной автостраде, называемой в народе «Серебряная дорога», он

ездил так часто, что знал ее вдоль и поперек. Знал каждый поворот, знал, где находятся дыры в ограждении, позволяющие оленям и лосям пересекать дорогу, когда понадобится. Знал, где после дождя образуются лужи и где туман, поднимаясь от лесных озер, искажает пейзаж. Когда-то давно по этой дороге доставляли серебро из рудника Насафьель к Ботническому заливу; сейчас же, змеясь между гор как река, дорога связывала Глиммерстрек с другими внутренними районами страны.

Эта чертова дорога со всеми ее изгибами, со стеной непроходимого леса по сторонам надоела ему уже до тошноты, но он все равно не собирался сдаваться. Ведь здесь исчезла его дочь: именно эта Серебряная дорога поглотила ее.

Никто не знал, что он ездит по ночам искать Лину и, куря сигарету за сигаретой, обнимает пассажирское сиденье. Разговаривает с ней, как будто она на самом деле сидит там, словно и не исчезала. Он никому не рассказывал об этом. Во всяком случае, с тех пор, как Анетт оставила его. Она с самого начала считала, что это он виноват. Он ведь подвозил Лину к автобусной остановке в то утро. А значит, вся ответственность лежит на нем.

Он добрался до Шеллефтео около трех и остановился на автозаправке залить бак бензином, а термос — кофе. Несмотря на ранний час, сидевший за прилавком парень выглядел бодрым и пребывал в игривом настроении. Рыжий, с зачесанными набок волосами, он выглядел лет на девятнадцать-двадцать. Столько было бы Лине сейчас. Хотя ему было непросто представить дочь такой взрослой.

Несмотря на угрызения совести, он купил пачку «Мальборо Лайт», а когда собрался расплатиться, его взгляд упал

на стоявшую у кассы бутылочку с жидкостью от комаров. От неожиданности он никак не мог вспомнить, куда сунул карточку, — просто опять подумал о Лине. В последнее утро от нее воняло такой же гадостью. Ему даже пришлось опустить стекло и проветрить салон, после того как высадил дочь у автобуса, и в результате это врезалось в память. И на этом все. Он не помнил, о чем они разговаривали тогда, была ли она веселой или грустной, не помнил, что они ели на завтрак. Воспоминания затушевала обрушившаяся на них беда. В тот вечер он сказал полиции, что от Лины воняло средством от комаров, а Анетт посмотрела на него так, словно видела впервые, словно стыдилась его, и вот это он тоже запомнил.

Он открыл новую пачку, сунул сигарету в рот, но закурил ее, только когда снова оказался на автостраде, взяв курс на север. Дорога домой всегда казалась короче и не так утомляла. Серебряное сердечко Лины висело на цепочке на заднем стекле, блестело в лучах солнца. Она снова сидела рядом с ним на сиденье, светлые волосы свешивались на лицо.

— Папа, ты знаешь, что выкурил двадцать одну сигарету всего за несколько часов? — спросила она.

Лелле стряхнул пепел в окно, выпустил дым в сторону от дочки.

— Неужели так много?

Лина вознесла глаза к крыше машины, словно призывая в свидетели высшие силы.

— Тебе известно, что каждая сигарета забирает десять минут твоей жизни? То есть сегодня ты сократил ее на двести десять минут.

— Ого, — сказал Лелле. — Но для чего мне, собственно, жить?

— Ты должен найти меня. Никому другому не удастся этого сделать, — ответила она, с укоризной смотря на него.

*

Мея лежала, сложив руки на животе, и старалась не слушать нарушавшие тишину звуки. Урчание голодного желудка под собственными пальцами, да и все другие звуки тоже. Самые неприятные проникали сквозь тонкие доски пола: пыхтение Силье и ее нового мужчины, скрип кровати, и потом еще начала лаять собака. Она слышала, как мужчина приказал псу заткнуться.

Была середина ночи, но солнце освещало каждый уголок в маленькой комнате на чердаке, заливало ее таким ярким светом, что, казалось, стены горели огнем. Мея не могла заснуть. Она села на колени перед низким окошком и сняла с него паутину рукой. Снаружи виднелись только голубое небо и лес, насколько хватало глаз. Да еще кусочек озера внизу, если вытянуть шею; черное и спокойное, оно неудержимо манило. Мея чувствовала себя похищенной принцессой из сказки, заточенной в башне, которую окружала непроходимая чаща, принцессой, обреченной до конца жизни слушать, как ее злая мачеха предается сексуальным утехам этажом ниже. Хотя Силье была ей не мачехой, а мамой.

Они не бывали в Норрланде раньше. С каждым часом, проведенным в поезде, обеих все больше одолевали сомнения, они ругались, и плакали, и подолгу сидели молча, в то время как снаружи проплывал лес, а расстояния между станциями становились все длиннее. Силье поклялась,

что они переезжают в последний раз. Мужчину, пленившего ее теперь, звали Торбьёрн, и он владел маленькой усадьбой в деревне под названием Глиммерстреск. Они познакомились в Сети и разговаривали много часов по телефону. Поначалу Мея слышала, как он отвечал односложно, в обычной норрландской манере, и ей представлялся усатый дядька с толстой шеей и узкими, как щелочки, глазами, когда он улыбался. Она видела фотографии. На одной он держал в руках баян, а на другой сидел, наклонившись, на льдине и выуживал рыбу с красноватой чешуей. Торбьёрн был настоящим мужчиной, если верить Силье, мужчиной, знавшим, как выживают в самых тяжелых условиях, и способным позаботиться о них.

Стоявшая среди сосен железнодорожная станция, где они в конце концов вышли из поезда, была совсем крохотной. Здание размерами не превышало скромную избушку, а когда они попробовали открыть дверь, оказалось, что та заперта. Никого больше не было, и они стояли, растерянные, на ветру, пока поезд уносился прочь, исчезая между деревьями. Земля еще долго вибрировала под их ногами. Силье закурила сигарету и потащила дорожную сумку через обшарпанную платформу, тогда как Мея еще какое-то время слушала шелест деревьев и жужжание миллионов новорожденных комаров. Она чувствовала, что вот-вот завоет, и не хотела следовать за Силье, но побоялась остаться одна. По другую сторону железнодорожного полотна темно-зеленым занавесом поднимался лес на фоне голубого неба, и тысячи теней двигались между его ветвями. Она не видела никаких животных, но ощущение, что за ней наблюдают, было столь же сильным, как если бы она торчала где-нибудь посередине площади. Сотни пар глаз своими взглядами обжигали ей кожу.